

«ПОГОНЬ» НА ТАННЕНБЕРГ: Геральдика польско-литовско-русского войска в битве под Танненбергом (см. рис. на 10-13 стр. цв. вкладки)

Отремела знаменитая битва, традиционно именуемая у нас «Грюнвальдской», а в действительности происшедшая при **Танненберге** («**Еловой горе**», в переводе с немецкого) между объединенной армией Королевства Польского и Великого Княжества Литовского, с одной стороны, и армией Тевтонского (Немецкого) духовно-рыцарского Ордена Пресвятой Девы Марии, его вассалов и союзников – с другой. Эта битва, одна из самых крупных в истории европейского Средневековья, началась в девять часов утра 15 июня 1410 года и продолжалась до семи часов вечера. Польско-литовские войска возглавлял король Владислав Ягелло (Ягайла). Кроме поляков и литвинов, под его началом сражались русские, татары, чехи, моравяне и силезцы, бессарабы и валахи, причем не только рыцарского происхождения. Боевая единица того времени – «**копье**» – состояла, чаще всего, из одного тяжеловооруженного рыцаря и его помощников – оруженосца (обычно также рыцарского происхождения), одного или двух лучников (обычно родом из мещан или крестьян), но могла быть и гораздо более многочисленной, о чем будет еще сказано подробнее по ходу нашего повествования. Армия короля Владислава насчитывала около 30 000 воинов, примерно в два с половиной раза превосходя силы противника.

Армией Тевтонского Ордена и его союзников командовал глава Ордена – Верховный Магистр (Гохмейстер) брат Ульрих фон Юнгинген. В общей сложности на поле битвы между деревней Грюнфельде и «Еловой горой» сошлось около 30 000 воинов, в том числе 25 000 конников. Именно конница сыграла решающую роль в этой судьбоносной схватке.

На польско-литовской стороне раздались звуки труб, пение молитвы «Богородице Дево радуйся», и литовско-русско-татарские войска, стоявшие на правом фланге королевской армии, первыми двинулись в бой. Сам король Владислав Ягелло, в отличие от Верховного Магистра, непосредственного участия в битве не принимал; руководя передвижениями войск с холма, находясь за шеренгами сражающихся. С ним были его личная охрана и конюхи, державших под уздцы запасных быстрых коней – на случай «непредвиденных событий». Верховный Магистр, напротив, вел себя вполне по-рыцарски, то есть, как отчаянный рубака, каким он слыл всю свою жизнь (хотя и был не просто рыцарем, а рыцарем-монахом, лицом наполовину духовным). Ударный рыцарский отряда брата Ульриха вклинился в гущу польских **хоругвей**, скрестив мечи и копья с лучшими витязями армии Ягелло – рыцарями Краковской земли. В бою штандарт Поль-

ского королевства с белым орлом пал на землю. Это был самый критический момент сражения при Танненберге. Тевтонские рыцари уже затащили свою победную пасхальную песню «Христос воскрес из мертвых...». Но тут рыцарь-предатель, вассал Ордена Никель фон Ренис, знаменосец Кульмского рыцарства, изменнически подал своей хоругвью знак к отступлению, чем внес смятение в ряды орденского войска. На подмогу Ягелло успели подойти свежие силы, и столь успешно начатая крестоносцами атака захлебнулась. Верховный магистр Тевтонского Ордена брат Ульрих фон Юнгинген, почти потерявший к тому времени зрение и не пожелавший спастись бегством перед лицом надвигающейся неотвратимой слепоты, пал от копья польского рыцаря Добислава (Добко) Олесницкого. Таким образом, брат Ульрих повторил предсмертный подвиг слепого короля Богемии (Чехии) Иоанна Люксембургского, который, утратив зрение, передал корону сыну и предпочел погибнуть простым рыцарем, сражаясь в 1356 году на стороне французов против англичан в одном из кровопролитнейших сражений Столетней войны - в битве при Пуатье. Финал битвы при «Еловой горе» разыгрался у обоза крестоносцев. Чувствуя неизбежную гибель, они соорудили укрепление из повозок («вагенбург», или «табор»), заняли глухую оборону и отчаянно защищались, не дрогнув даже под обстрелом польско-литовской артиллерии, пока не пали почти все до единого. При обороне «вагенбурга» орденских бойцов пало больше, чем собственно на поле битвы. А всего их пало восемь тысяч, в том числе 230 из 250 принявших участие в битве при Танненберге орденских *братьев-рыцарей* (единственных имевших право носить белый плащ с черным крестом Тевтонского Ордена Пресвятой Девы Марии).

Над залитым кровью полем битвы при Еловой горе победно взвились гербовые стяги хоругвей объединенного польско-литовско-русско¹⁶⁷-татарского войска. Они во многом отличались по характеру своей гербовой символики от боевых знамен, осенявших войска других государей тогдашней Европы. В нашем кратком очерке мы попытаемся проанализировать эти различия.

Дело в том, что в средневековой Польше сложилась поистине уникальная геральдическая система на основе войскового деления на **хоругви**, вскользь упомянутые нами выше. Поэтому скажем предварительно несколько слов о **хоругви**. **Хоругвь** – это, прежде всего, **войсковое подразделение, отряд** (подобные отряды на древней Руси именовались **стягами** или **знаменами**), исключительно **конный**, который имел свое

---

¹⁶⁷ Справедливости ради, следует заметить, что в современных польских и украинских учебниках говорится о «польско-литовско-украинском», а в современных белорусских учебниках – о польско-литовско-белорусском войске (и даже указывается, что белорусские хоругви в битве под «Еловой горой» осеняло белое знамя с узкой продольной красной полосой, послужившее прообразом национального белорусского флага, имеющего аналогичную расцветку и замененного, после прихода к власти А. Лукашенко, «рушничком» постсоветского образца).

знамя со своей, отличной от других, символикой. Это знамя также именовалось **хоругвью** (а на Руси также **стягом**, ибо вокруг него **стягивался** соответствующий **военный отряд**). Заметим, кстати, что схожая ситуация наблюдалась и в других странах средневековой Европы – например, в Испании, где знамя и стягивавшийся вокруг него отряд именовались **бандерой**, в Византии (а позднее также и в Италии), где военный отряд и его знамя именовались **бандой**, (а хорунжий-знаменосец – **бандофором**), в Англии, Франции и Бургундии, где использовался схожий термин «**баннер**» (**Banner**) Германии и Швеции, где отряд и знамя именовались аналогично (**Banner, Panier**) или же использовался германоязычный эквивалент **фенлейн** (буквально: **Faehnlein**, то есть **флажок**) или **фане** (**Fahne** – «знамя») – например, **адельсфан(е)** – «дворянский (конный) отряд» и т.д. Знаменосец хоругви именовался **хорунжим** (**хоругвеносцем**). Позднее слово «**хорунжий**», по аналогии со своим немецким эквивалентом «**фенрих**», или «**фендрих**» (**Faehnrich** – производным от **Fahne**, «знамя»), и со своим русским эквивалентом «**прапорщик**» (от слова «**прапор**», также означавшего «**боевое знамя**» или «**стяг**») стало обозначать уже не функцию непосредственно знаменосца, а воинское звание; появился подход хорунжий, а хоругвь стал возглавлять ротмистр. Хоругви привязывались к определенным территориям – так, например, Стародубский повет выставлял 4 хоругви (Стародубскую – 100 конных воинов; Почепскую – 50; Мглинскую – 100; Трубчевскую – 30).

Каждое из упомянутых выше тактических военных подразделений имело знамя-хоругвь с эмблемами, по своим геральдическим начертаниям и цвету характерными только для данного подразделения. Каждый польский, а позднее – также литовский и (западно-)русский дворянин-шляхтич, стоявший под данным знаменем-хоругвью в рядах данной хоругви-отряда, был вправе повторять хоругвенную символику (по-польски – «**клейнот**» или «**клейнод**») на своем щите (хотя пользовался этим правом далеко не всегда). В результате в Польском, а позднее – объединенном Польско-Литовском государстве (Речи Посполитой, что, кстати, означает буквально «республика»!) одинаковыми и одноименными гербами пользовались десятки (если не сотни) шляхетских родов, что позволяло говорить о наличии там «**гербовых братств**» или «**гербовых родов**». Причем члены одного «гербового братства» вовсе не обязательно были связаны узами подлинного кровного родства. Наоборот, чаще всего в состав первоначально небольшого рода-обладателя герба со временем принималось все больше мелких шляхтичей-клиентов «со стороны». Именно поэтому число дворянских гербов в Речи Посполитой не превышало **200** (и это в то время, как в соседней Германии их было не менее **200 000!**). Когда польская знать с конца Средневековья начала принимать фамильные прозвища, она, как правило, принимала в качестве фамилии не свое родовое прозвище, а предпочитала именоваться по крупнейшему городу или местечку (городку, не пользовавшемуся городскими привилегиями по Магдебургскому праву), входившему во владения данного знатного рода.

При этом нередко в разных частях Польши располагались города и местечки с одинаковыми названиями. Поэтому существовали шляхетские роды с различными именами, пользовавшиеся одинаковыми гербами-клейнотами, и в то же время роды с одинаковыми именами-фамилиями, но совершенно разными гербами. Так, например, одним и тем же гербом «Ястжембец» пользовались не только шляхтичи из рода Ястжембских, но, наряду с ними, члены еще 550 (!) других шляхетских родов; гербом «Топор» - шляхтичи 200 родов, гербом «Рава» («Равич») - 250, и в то же время знатные роды, имевшие одну и ту же фамилию – Залевских, пользовались 30 различными гербами – ситуация, ни в одной другой европейской стране тех времен абсолютно немыслимая!

Кроме клейнотов, почти все роды (гербовые братства) имели свои собственные девизы («заволянья»), первоначально происходившие от боевого клича данного рода-братства. На практике боевой клич использовался, например, в качестве команды изменить построение хоругви-отряда братства в ходе боя, сопровождавшийся соответствующим сигналом, подаваемым при помощи хоругви-знамени. Теоретически название рода, герб и девиз должны были совпадать, но очень часто они на практике не совпадали. Так, например, польский шляхетский род Срженява имел герб под названием «Срженява» (цит: в лазурном поле серебряная укороченная волнистая перевязь справа, увенчанная красным кавалерским крестом; нашлемник: голова льва между двух труб, увешанных колокольчиками) и боевой клич: «Срженява!»; в то же время другой шляхетский род, Осморог, использовал тот же самый герб «Срженява», но совершенно другой девиз (боевой клич): «Геральт!». Каждый род использовал только один герб, но в то же время был вправе использовать не только один, а несколько девизов (видимо, принимавшихся вновь возникающими линиями рода по мере его разделения в ходе исторического развития). Эта «генеалогическая» роль, которую играли девизы «гербовых братств» в польской геральдике, была совершенно уникальной (хотя несколько сходные явления наблюдались в венгерской и, отчасти, также во французской геральдике, где также имелись свои «*cri de guerre*», то есть девизы или боевые кличи, порой совпадавшие с названием герба).

11 сентября 1382 года почил в Бозе польский король Людовик (Лайош) Венгерский. Корону унаследовала его совсем юная дочь Ядвига. После бурного периода «междоусобия» магнаты королевства приняли решение вручить руку Ядвиги и польскую корону Великому князю Литовскому Ягелло, при условии принятия последним христианства в его римско-католическом варианте. В 1386 году Ягелло принял св. Крещение и новое имя Владислав, сочетался браком с Ядвигой и был коронован польским королем. Так был сделан первый шаг к заключению унии между Польским королевством («Короной») и Великим Княжеством Литовским («Литвой»), и к установлению союзных отношений между знатью обоих государств, ведших дотоле друг против друга долгие, кровопролитные войны. В 1413 году была заключена так называемая Городельская уния, согласно усло-

виям которой 47 польских знатных родов («гербовых братств») «адоптировали» (буквально: «усыновили»), на деле же – инкорпорировали, то есть, приняли в свои ряды представителей знатнейших литовских боярских родов и, соответственно, даровали последним право пользоваться соответствующими гербами и девизами). Впрочем, судя по сохранившимся средневековым грамотам, ряд литовских и (западно)-русских («русинских») бояр еще до 1413 года начал использовать польские гербы (по крайней мере, на своих печатях).

До сих пор не существует однозначного объяснения значения названия того или иного рода («гербового братства»), названия принятого этим родом герба-клейнота и девиза. Нередко род прозывался по имени своего прародителя – знаменитого воина (был ли этот воин исторической или легендарной личностью, особой роли, похоже, не играло), к которому возводил свое происхождение, как к основателю рода (как, например, обстояло дело с гербом и родом «Радван», легендарным основателем которого считался польский рыцарь Радван; когда его потесненный татарами отряд потерял в бою свое знамя, Радван, якобы, взял из ближайшего храма церковную хоругвь, собрал под этой хоругвью остатки польских войск и разбил татар – с тех пор эта хоругвь украшала собой родовой герб «Радван» – между прочим, членом данного «гербового братства» являлся и многолетний член редколлегии и заведующий отделом родовой геральдики журнала «Гербоведъ» генерал-майор П.Ф. Космолинский). В иных случаях прозвание рода имело происхождение скорее топографическое, по реке или территории первоначального расселения рода. С течением времени первоначальное название или смысл нередко искажались, так что возникали легенды с целью объяснить название рода, герба или клича. В большинстве случаев эти объяснения или истолкования были неверными, хотя во многих случаях содержали в себе зерно истины, порой совершенно скрытое под баснословными наслоениями последующих времен.

Гербы, использовавшиеся польским рыцарством, отличались большим разнообразием. Во многих случаях они походили на те, что использовались в западноевропейской геральдике. Иные польские гербы, изображавшие стилизованные стрелы, полумесяцы, кресты, подковы и т.п., напоминали древние рунические знаки и сарматские клейма или тамги (знаки собственности). Именно такие гербы украшают щиты польских рыцарей на миниатюрах, иллюстрирующих битву с татарами при Лигнице (Легнице, Вальштадте) в Силезии в 1241 году, остановившей нашествие монгольских орд хана Батые на Западную Европу. Именно такие гербовые знаки украшали польско-литовские хоругви в битве с тевтонами при «Еловой горе».

Роль, которую хоругвь играла в бою, была отнюдь не чисто символической, а имела огромное практическое значение. Хоругвь-знамя была видна на поле боя с большого расстояния, указывала направление атаки, а также всякого маневра, который была обязана выполнить по команде хо-

ругвь-отряд. При утрате хоругви-знамени в бою весь отряд, сражавшийся под этим знаменем, как правило, приходил в полное замешательство и, в конечном счете, становился бесполезным. Именно поэтому хоругви-знамена считались самой ценной частью военной добычи. Таким образом, охрана знамени являлась делом громадной важности. Хоругвеносцев никогда не ставили в бою в первую шеренгу. Перед ними всегда стояли плотными рядами сведенные в отдельный отряд в форме «клина» лучшие рыцари хоругви – так называемые **предзнаменные бойцы**, или **«антесигнани»** (*antesignani*), что означает по-латыни «те, кто предшествуют (боевому) значку (знамени)». Обычно в первом ряду хоругви стояло 3 рыцаря, во втором – 5, в третьем – 7, в четвертом – 9. В пятом ряду и в последующих рядах – по 11, так что построение хоругви представляло собой колонну, заостренную на конце. Хоругвеносец стоял в центре пятого ряда, прикрываемый «клином». Именно такой тип построения (обычно почему-то приписываемый у нас исключительно армиям Тевтонского Ордена), по Длугошу, был характерен для армии Владислава Ягелло в битве при «Еловой горе». Вероятно, аналогичным было и построение других хоругвей польско-литовских армий, хотя многое зависело от численности воинов той или иной хоругви. Тем не менее, «антесигнани», образовывавшие «клин», повсеместно были сильнейшими и искуснейшими бойцами данной хоругви.

В нашем кратком описании хода битвы при «Еловой горе» упоминался момент, когда под натиском ударного отряда тевтонских рыцарей во главе с самим Верховным Магистром Ульрихом фон Юнгингеном, почти утратившим к тому времени зрение, но не утратившим своего всегдашнего мужества, пало знамя головной хоругви польско-литовской армии – так называемая «Великая Краковская хоругвь» (именуемая также «Большое Королевское знамя»). Впрочем, по другой версии, атака Верховного Магистра произошла позднее (при этом едва не был убит польский король), а поляки потеряли Большое знамя еще раньше, при атаке хоругвей фон Валленрода (Вальрода, Вальроде) на их правый фланг. Подобное прямоугольное, с несколькими (от 2 до 5) косицами, знамя (на которое имели право военные вожди высшего ранга – герцоги, князья или короли) именовалось «гонфаном». Украшенное белым коронованным одноглавым орлом польское «Большое Королевское знамя-гонфанон под Танненбергом» имело три косицы. Оно было красного цвета, в соответствии с традицией, идущей еще от древнеримских военачальников и цезарей, а также Императоров «Священной Римской империи». Красный цвет знамени означал, между прочим, право его обладателя предавать виновных смерти. Именно поэтому пираты и мятежники издавна поднимали красное знамя – в знак своей претензии отнять привилегию «казнить и миловать» у законной власти.

Падение Большого Королевского знамени вызвало панику в рядах польско-литовской армии. Увидев, что польское знамя пало, рыцари Тевтонского ордена, в предвкушении скорой победы, запели: «Христос воскрес из мертвых» (*Christ ist erstanden*). Это историческое свидетельство

служит наглядным свидетельством значения, придававшегося потере знамени в бою.

Великая Краковская хоругвь с тремя косицами, о которой идет речь, как это ни странно, имеет, в геральдическом плане, гораздо большее отношение не к Кракову, а к Гнезно. Ведь именно с городом Гнезно связано предание о том, как легендарный князь **Лех**, вождь племени **полян** (мифический прародитель **ляхов-поляков** и брат **Чеха** – прародителя **чехов** и основателя Праги¹⁶⁸, а, согласно некоторым вариантам сказания – также и **Руса** – прародителя **русских**), однажды увидел **белого орла**, кружившего над своим гнездом, свитом на вершине могучего дуба. «Будем **гнездиться** здесь!» - воскликнул якобы Лех и повелел основать на этом месте первую польскую столицу, которую в память об орлином гнезде назвал «**Гнезно**» (что означает по-польски «**гнездо**»). И потому герб города Гнезно (ставшем также резиденцией первого польского епископа, а позднее – и архиепископа) – украшает белый орел, символ польского государства. Этот же белый орел украшал и «**Большое королевское знамя**» в битве при «**Еловой горе**». Великой Краковской хоругвью, осененной этим знаменем и формально подчинившейся **каштеляну** Краковскому, Крыштину из Острова, фактически командовал в бою Зындрам из Машковиц.

Заметим к слову, что вообще-то орлы, гнездящиеся в тех местах, не белые, а серые, но увиденный Лехом орел был, вероятно, еще молодым и потому его оперение имело более светлую окраску, а в лучах заходящего солнца и вовсе выглядел белым на красном фоне. Таким его и изобразили на гербе, а белый и красный цвета с тех пор сохранились на польском флаге и по сей день.

Если подобное «негеральдическое» объяснение покажется кому-то слишком простым, чересчур «рациональным» или, наоборот, чрезмерно «мифологизированным», можно привести более историческое и геральдическое истолкование польского герба. Дело в том, что до XIII века у Польши не было государственного герба, и орел был личной эмблемой одного из представителей древнейшей династии Пястов, лишь постепенно ставший общегосударственным символом. Могущественный западный сосед польских княжеств, постоянно пытавшийся подчинить их своему влиянию, – Император «Священной Римской Империи» – пользовался гербом с изображением **черного двуглавого орла**¹⁶⁹ на золотом поле. Согласно тео-

---

¹⁶⁸ Именно этим близким родством, согласно данной легенде, объясняется наличие и у поляков, и у чехов одних и тех же, бело-красных, геральдических национальных цветов (к которым на чешском флаге позднее добавился синий цвет **Моравии**).

¹⁶⁹ Император «Священной Римской Империи» являлся одновременно и германским королем (в качестве которого при вступлении на престол короновался германской королевской короной в г. Ахене, после чего отправлялся в Рим короноваться из рук римского папы уже римской Императорской короной), и, как германский король пользовался гербом в виде черного одноглавого орла на золотом поле).

ретическим представлениям об иерархии, шедшим еще со времен позднеантичной Римской империи, Император считался «**королем над королями**» («**царем царей**»), и потому король, как вассал Императора, в соответствии с геральдическими правилами разного Средневековья, имел право на герб в виде одноглавого орла геральдически противоположного, то есть, золотого цвета, на черном поле. Однако польский орел как бы не признал власть над собой римско-германского, и вступил с ним в спор, ибо геральдически белый (серебряный) цвет считается выше черного¹⁷⁰.

Сам король Владислав Ягелло, в отличие от тевтонского Гохмейстера Ульриха фон Юнгингена, как мы уже знаем, не возглавлял в бою какой-либо конкретный военный отряд, а переезжал с места на место, сопровождаемый своим Королевским прапором (Малым знаменем), также с белым орлом на красном поле, но с двумя белыми косицами.

Как уже говорилось выше, в рядах армии Владислава Ягелло, наряду с польским феодальным ополчением, сражалось немало наемников – главным образом, **богемцев (чехов), моравян и силезцев**, но также и **немцев** (в том числе «бурггерров») - владельцев замков, и знатных феодалов, значительный валашский контингент из Молдавии (состоявшей в вассальных отношениях с Ягелло), равно как и немало **валахов и «русинов» из Галицкой земли** (окончательно присоединенной к польской Короне еще в 1387 году).

В общей сложности в битве при «Еловой горе» приняла участие 51 хоругвь Польского королевства. В их число входили две Королевские хоругви – «Гонча» (хоругвь королевских «гонцов» или «пажей») и «Надворная» (Придворная). На знамени хоругви «Гонча» был изображен в лазурном поле золотой «лотарингский крест» («Крест Святой княгини Евфросинии Полоцкой»), долгое время изображавшийся на королевской печати Владислава Ягелло. Этот символ мог быть принят им под влиянием матери – православной княгини Улиании. С другой стороны, подобный же крест был гербом Словакии (входившей в описываемую эпоху в состав строго католического Венгерского королевства), так что, возможно, православное влияние здесь было ни при чем.

Три хоругви привели под Танненберг князя Мазовецкие, как вассалы польского короля. Еще три хоругви состояли из иноземных наемников – чехов и моравян (нанятых за счет средств польской королевской казны).

---

¹⁷⁰ Эта символика оставалась актуальной на протяжении почти всей польской истории, сохранившись по сей день. А вот касательно того, быть ли польскому королю увенчанному короной или нет, у поляков не обошлось без разногласий. Так, польские повстанцы XVIII-XIX вв. использовали орла без короны, ибо считали королевского орла эмблемой сторонников Российских Императоров, считавшихся «Царями (королями) польскими». Официально поляки отказались от короны на голове своего гербового орла лишь в 1943 году, при пересмотре прокоммунистической «Гвардией Людовой» прежней государственной символики. Но в 1990 году корона вновь вернулась на голову польского орла – как зримое подтверждение отказа Польши от коммунистической идеологии и обретения ею подлинной независимости.

Одна из этих трех иноземных хоругвей – **хоругвь Святого Ежи (География)** – была нанята непосредственно королем Владиславом Ягелло; именно в рядах этой хоругви служил – не по «зову сердца» (как рыцари-крестоносцы, бескорыстно посвятившие свои мечи делу Тевтонского Ордена Пресвятой Девы Марии!) и не из мифической «славянской солидарности!» – а за деньги – столь знаменитый впоследствии вождей таборитов Ян Жижка (потерявший под Танненбергом свой правый глаз; второй глаз ему позднее, в ходе Гуситских войн, выбили болтом из арбалета уже «свои»). Две других наемных хоругви, также оплаченные из средств польской королевской казны, были приведены под Танненберг чехом Яном Янчиковичем из Йичина и поляком Гневашем из Далевии. Следующие 17 хоругвей представляли собой земские (территориальные) ополчения, выставленные «землями» Польского королевства. Еще 26 хоругвей выставили богатые светские и духовные вельможи королевства. И всего лишь две хоругви (упомянутые у Длугоша под №№ 46 и 48) были сформированы традиционным способом, объединив в своих рядах членов конкретных шляхетских родов («гербовых братств»). Этими единственными сформированными не по территориально-земскому, а по традиционному родовому принципу военными отрядами были хоругви родов Елита (герб: в красном поле три возникающих копья вниз) и Гриф (в красном поле серебряный гриф влево).

51-я хоругвь польского коронного войска была приведена под Танненберг литовским князем Сигизмундом (Сигмунтом) Корибутом, или Корибутовичем, имевшим на знамени литовский герб «Погонь», или «Погоня» - рыцаря с «лотарингским» крестом святой княгини Евфросинии Полоцкой на щите и с занесенным мечом на скачущем белом коне в лазурном поле. Точно такая же «Погоня литовскую», но только на красном поле, в память литовского княжеского происхождения короля Владислава Ягелло, украшала знамя польской Надворной хоругви. В рядах хоругви Зигмунта Корибутовича сражались **рыцари земель, являвшихся предметом спора между польской короной и Великим княжеством Литовским**. Сам князь, племянник короля Владислава Ягелло, позднее, в 1422-1427 гг. был наместником в Чехии, затем – претендентом на чешский королевский престол, пользовавшимся поддержкой чешских еретиков-гуситов.

В качестве союзников польского короля Владислава Ягелло под Танненбергом выступали также **40 хоругвей под командованием Великого князя Литовского Витовта** (Витаутаса, по-польски: Витольда), объединявшие в своих рядах литовцев, русских («крусинов», «рутеннов»), жемайтов (жмудинов, самогитов), армян, караимов, татар. Считается, что по численности и вооружению хоругви Витовта были слабее польских. Знамена 30 хоругвей войска Витовта были украшены изображением «**Погони литовской**» - изображением вооруженного всадника на белом, черном или пегом коне, с занесенным мечом, на красном поле (в геральдике Речи Посполитой существовала еще «**Погоня польская**» - изображение согнутой в локте руки в латах с занесенным мечом). **Эта «Погонь литов-**

ская», под названием «Витис» («витязь»), служит в настоящее время гербом современной Литовской республики (а до прихода к власти Лукашенко была, «по совместительству», также гербом Белоруссии-Беларуси). На знаменах 10 других литовских хоругвей было изображено тавро, которым Витовт клеймил своих лошадей. Имеются в виду так называемые «колюмны» или «слупы (столпы) Гедимины», напоминающие родовой «трезубец» («тризуб») Юриковичей (хотя некоторые историки считают их «стилизованным изображением священного дуба древних пруссов»(?)). Скорее всего, эти «столпы Гедимины», изображаемые порой серебряными, порой – золотыми, но всегда на красном поле, скорее всего, были знаком собственности («тамгой») литовских князей-кунигасов. Впрочем, их изображения находят на некоторых монетах Ягелло, как, кстати, и на монетах генуэзской колонии в Крыму – Кафы (Феодосии).

Вопреки утверждениям хрониста Танненбергской битвы Яна Длугоша, трудно представить себе, чтобы десятки литовских хоругвей пользовались в битве с тевтонами под «Еловой горой» знаменами с одинаковыми изображениями, да вдобавок еще и одинакового цвета, неотличимыми друг от друга, что лишало бы воинов возможности ориентироваться, перестраиваться и совершать маневры в бою. Скорее всего, Длугош просто ничего не знал о литовских знаменах (ведь он писал о битве при «Грюнвальде» два с половиной поколения спустя!). Во всяком случае, многие белорусские историки упорно утверждают, что одна из «белорусских» хоругвей, входивших в войско Витовта под Танненбергом, сражалась под белым знаменем с узкой продольной красной полосой, послужившей (якобы!) прообразом белорусского национального флага (впрочем, отмененного «батькой» Лукашенко и замененного на просоветский «рушничок»).

Союзники Витовта из числа бессарабов, молдаван и валахов (если верить, например, Нобелевскому лауреату Генрику Сенкевичу, по-прежнему считающемуся в некоторых кругах непререкаемым авторитетом по истории «Грюнвальдской» битвы), использовали гораздо более устрашающую символику – «изображения чертей, скелетов, упырей и вурдалаков» (см. роман Генрика Сенкевича «Крыжаки», сиречь «Крестоносцы»).

В Великое княжество Литовское (и Русское) входила и Смоленская земля, приславшая под «Еловую гору» три хоругви под началом князя Семена Лингвена. Смоленские хоругви стояли на самом крайнем левом фланге литовской армии, непосредственно примыкая к правому флангу армии польской короны. Смоленские хоругви, сильнеешие во всем литовском войске, приняли решающее участие в окончившейся неудачей атаке литовского крыла союзного войска, отраженной тевтонскими рыцарями фон Валленрода, в свою очередь, перешедшими в контрнаступление. Все литовцы дружно бежали под этим натиском. Лишь три смоленские хоругви, во главе с князем Юрием Лингвеновичем (Лугвеньевичем) продолжали ожесточенно сопротивляться, пока две из них не были изрублены, а третья – не дождалась подмоги. На красном знамени смоленских витязей был изображен Святой Архангел Михаил в золотом поле.

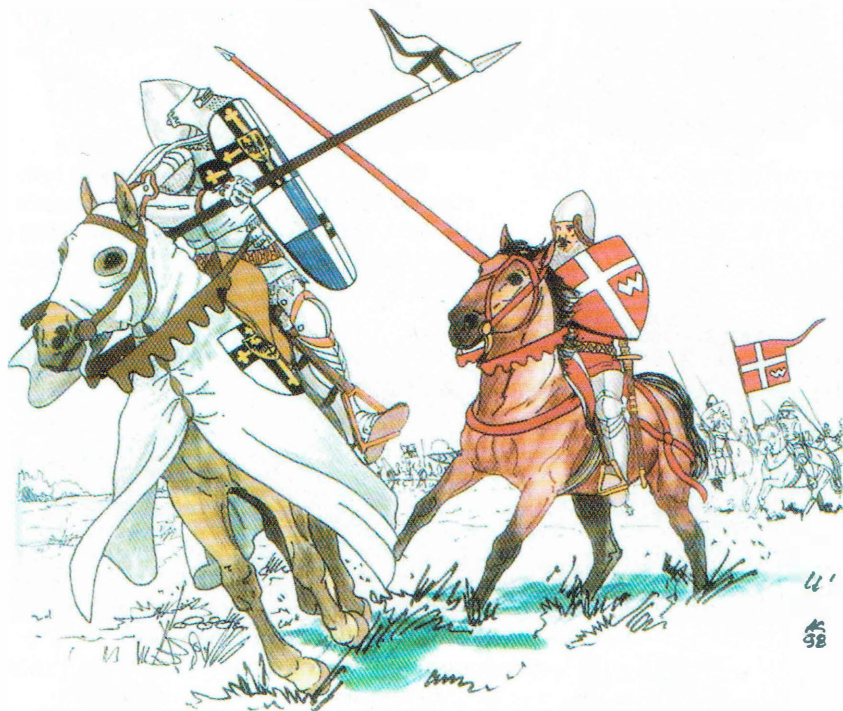
Татарским контингентом в составе литовского войска командовал бывший хан Джелал-эд-Дин, согнанный соперниками с золотоордынского престола и перешедший на службу к Великому князю Литовскому. Наиболее распространенными среди тогдашних татар были штандарты, именуемые по-монгольски «туги», а по-тюркски «бунчук». Речь идет о конском хвосте (монголы порой украшали свои «туги» хвостами яков), прикрепленном к древку, увенчанным шарообразным навершием-«яблоком». Не случайно древние кочевники-болгары, окрестившись, спрашивали в 866 году римского папу Николая I: «Доселе, идя на битву, **мы носили знаменем конский хвост**: какое знамя носить теперь?». Впервые вошедшие в употребление в глубокой древности, в качестве боевых значков предводителей древних тюркских племен, аваров, хазар, печенегов, болгар, торков и половцев, бунчуки просуществовали в качестве боевых знамен вплоть до времен Османской (Османской) империи. Наряду с бунчуками, татары использовали также (вероятно, заимствованные ими у китайцев или среднеазиатских мусульман) матерчатые знамена в форме треугольных или прямоугольных, с несколькими косицами, полотнищ, прикрепленных к древку. Порой татарские знамена представляли собой комбинацию флага с конским хвостом. Благодаря влиянию широко распространившегося к описываемому времени среди азиатских кочевников ислама, наиболее распространенными цветами их военных штандартов стали традиционные мусульманские цвета – черный, зеленый и белый.

Согласно авторитетному мнению современных польских историков (в частности, Анджея Клейна, Николааса Секунды, Конрада А. Чернелевского и др.), в битве под «Еловой горой» с армией Тевтонского Ордена сразились около 20 000 воинов в составе 51 хоругви польского коронного войска и около 10 000 – в составе союзных с поляками 40 хоругвей литовско-русского войска (включавшего в свой состав отряды бессарабов, караимов, татар и армян). Отдельные хоругви союзного войска, как уже упоминалось выше, значительно различались по численности. Согласно расчетам современного польского историка Анджея Надольского, в «Великой» Краковской хоругви насчитывалось до 700 бойцов, в хоругви «Гонча» - до 500, в Надворной хоругви – от 400 до 450. При этом следует учитывать, что средневековые летописцы Европы оперировали при подсчете численности рыцарских армий оперировали упоминавшимися нами выше термином «**копье**», которое, в зависимости от богатства (или бедности) конкретного рыцаря, могло означать всего лишь его самого, как одиночного конного бойца (если рыцарь был совсем беден и не имел денег на обзаведение оруженосцем или слугами), нескольких человек (если рыцарь был побогаче и мог себе позволить иметь оруженосца, конного и пешего слугу и т.п.) или даже несколько десятков бойцов (если рыцарь был богатым феодалом).

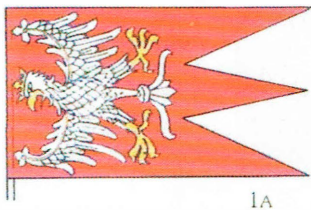
На основе скрупулезного анализа хода битвы при «Еловой горе» современные историки пришли к однозначному выводу, что это было типичное маневренное, изобиловавшее стремительными конными атаками ис-

ключительно кавалерийское сражение: Во всяком случае, вопреки неоднократным противоположным утверждениям многих прежних историков (а тем паче – исторических романистов, начиная с уважаемого Генрика Сенкевича – и публицистов!), на польско-литовской стороне никакой пехоты не имелось (и во всяком случае, в бою не участвовало – обозники и прислуга не в счет). С обеих сторон, как с тевтонской, так и с польско-литовской, имелась артиллерия - в том числе, кажется, даже новые по тем временам «каморные орудия» (по-немецки: «каммербюксы»), но никакого влияния на ход этого типично кавалерийского сражения ни каморные, ни другие орудия не оказали (не считая штурма орденового «вагенбурга» польско-литовской пехотой при поддержке артиллерии после завершения битвы как таковой).

**«ПОГОНЬ» НА ТАННЕНБЕРГ:
Геральдика польско-литовско-русского войска
в битве под Танненбергом
(см. стр. 122)**

**Поединок Верховного Магистра
(гохмейстера) Тевтонского Ордена
брата Ульриха фон Юнгингена
с польским рыцарем
Добиславом (Добко) Олесницким
в битве под Танненбергом**

1А

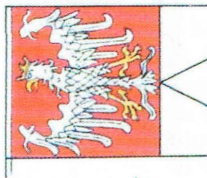
1 А. «Великая Краковская хоругвь» («Большое Королевское знамя»).

1 Б. Королевский прапор («Малое королевское знамя»).

2. Хоругвь «Гонча» («гонцов» или «королевских пажей»).

3. Надворная (придворная) хоругвь.

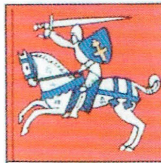
4. Хоругвь Святого Георгия (Ежи).

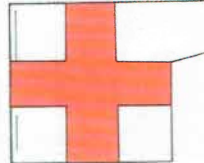
1В

2

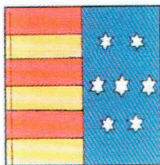
3

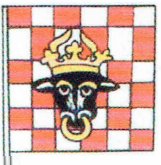
4

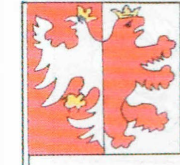
5

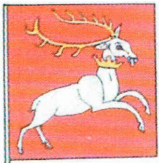
6

7

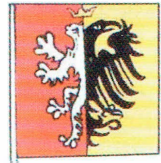
8

9

10

11

12

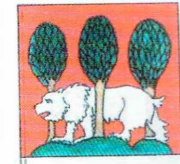
13

14

15

16

5. Хоругвь земли Познаньской. 6. Хоругвь земли Сандомирской.

7. Хоругвь земли Калишской. 8. Хоругвь земли Серадзской.

9. Хоругвь земли Любельской (Люблинской).

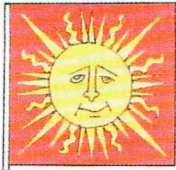
10. Хоругвь земли Лещицкой. 11. Хоругвь земли Куявской.

12. Хоругвь земли Львовской. 13. Хоругвь земли Велуньской.

14. Хоругвь земли Перемышльской.

15. Хоругвь земли Добжиньской (Добринской).

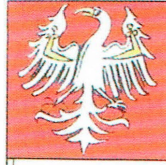
16. Хоругвь земли Хелмской (Холмской).

17, 18, 19

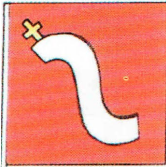
20

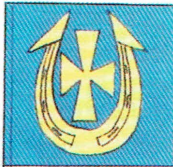
21, 22

23

24, 45

25

26

27, 37, 39

28, 41

29

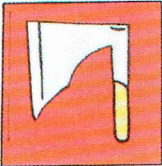
30

31

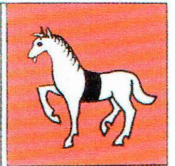
32

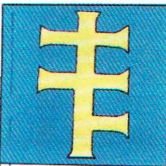
33

34

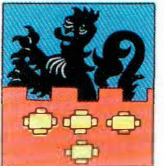
35

36

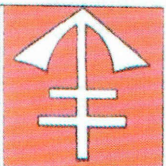
38

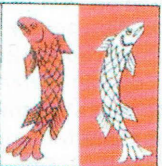
40

40A

42

43

44

46

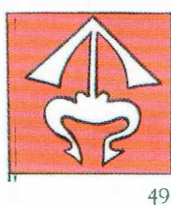
- 17, 18, 19. Хоругви земли Подольской. 20. Хоругвь земли Галицкой.
 21,22. Хоругви мазовецкие. 23. Хоругвь князя Януша Мазовецкого.
 24. Хоругвь Миколая Куровского. 45. Хоругвь Миколая Кмита из
 Вишница. 25. Хоругвь Войцеха Ястжембца.
 26. Хоругвь Крыштына из Острова. 27. Хоругвь Яна из Тарнова.
 37. Хоругвь Винценты из Гранова. 39. Хоругвь Спытко из Ярослава
 и Тарнова. 28. Хоругвь Свендзивоя из Остророга.
 41. Хоругвь Доброгоста Свидвы из Шамотул. 29. Хоругвь Миколая
 из Михалова. 30. Хоругвь Якуба из Конецполя. 31. Хоругвь Яна из
 Обыхова. 32. Хоругвь Яна Линжеца из Бобрка. 33. Хоругвь Анджея
 из Тенчина. 34. Хоругвь Збигнева из Бжеза.
 35. Хоругвь Петра Шафранца из Песковой Скалы.
 36. Хоругвь Клеменса из Мокожева. 38. Хоругвь Добеслава из
 Олесницы. 40. Хоругвь Марцина из Славска.
 40 А. Хоругвь гербового братства Заремба.
 42. Хоругвь Крыштына из Козихглов. 43. Хоругвь Яна Менжика из
 Домбровы. 44. Хоругвь Миколая Тромбы из Вислица.
 46. Хоругвь рода («гербового братства») Грифов.

47

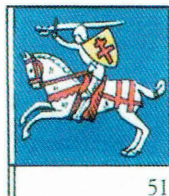
48

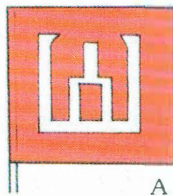
49

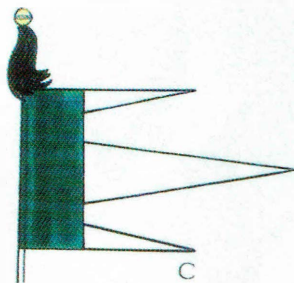
50

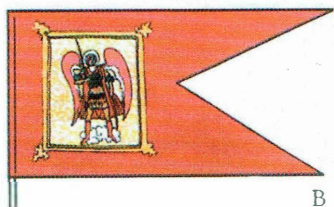
51

A

C

B

47. Хоругвь Заклики из Кожева. 48. Хоругвь рода («гербового
 братства») Елита. 49. Моравская хоругвь Яна из Йичина.
 50. Чешская (богемская) хоругвь Гневоша из Далевец.
 51. Хоругвь князя Зигмунта Корибутовича.
 А. Хоругви литовского войска. В. Смоленские хоругви. С. Татары.